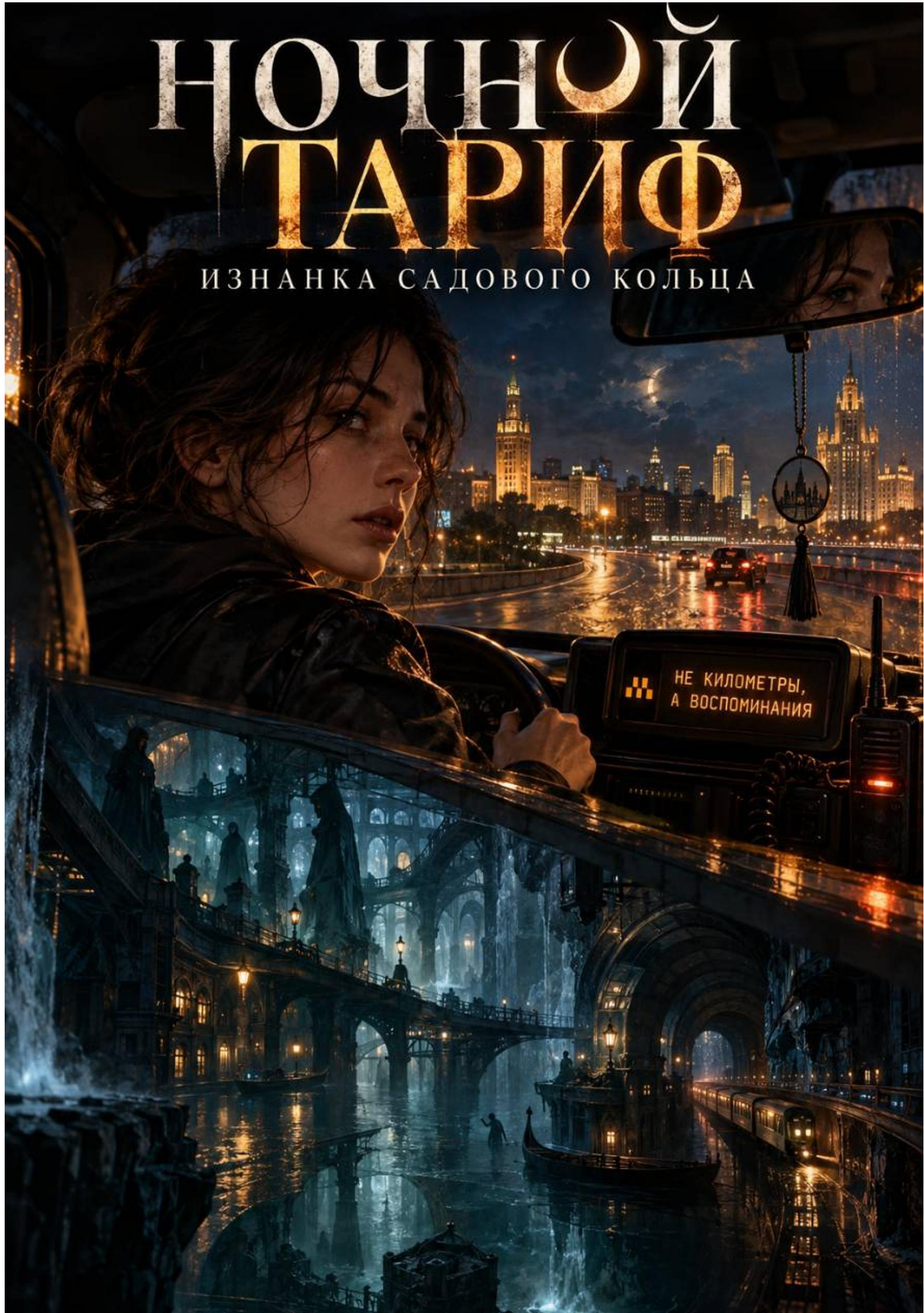

НОЧНОЙ ТАРИФ

ИЗНАНКА САДОВОГО КОЛЬЦА

Милана Панова

**Ночной тариф. Изнанка
Садового кольца.**

«Автор»

2026

Панова М.

Ночной тариф. Изнанка Садового кольца. / М. Панова —
«Автор», 2026

Счётчик в такси Веры Ланской считает не километры, а то, что пассажиры готовы забыть. Бывший фельдшер скорой, Вера два года не спит после аварии в Лефортовском тоннеле, где у неё на руках умер напарник. Однажды в 3:33 старая рация в её машине оживает, и диспетчер Марта Ильинична выдаёт первый заказ. Садовое кольцо уходит вниз, в Изнанку, город памяти под настоящей Москвой. Здесь живут бездомные домовые и речные духи, метрополитен взыскивает долги, а платят воспоминаниями. Вскоре пассажир расплачивается воспоминанием об убийстве. Вера видит, как через двенадцать дней в том самом тоннеле умрёт старик, хранитель всей боли города. Рядом с ним будет стоять она сама. Девелопер Аркадий Вяземский предлагает сделку: он сотрёт её боль, если Вера останется дома в ту ночь. Но цена забвения может оказаться выше, чем кажется, и не только для неё. Это история о том, имеет ли город право забыть свои шрамы и что значит по-настоящему помнить тех, кого потерял.

© Панова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три тридцать три	6
Глава 2. Гоша	9
Глава 3. Пассажир в сером	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Милана Панова

Ночной тариф. Изнанка Садового кольца.

НОЧНОЙ ТАРИФ.

Изнанка Садового кольца.

Роман

*Счётчик в моём такси считает не километры,
а то, что вы готовы забыть.*

Содержание

Глава 1. Три тридцать три 1

Глава 2. Гоша 1

Глава 3. Пассажир в сером 1

Глава 4. Капитан Самохин 1

Глава 5. Вяземский 1

Глава 6. Хозяйка Неглинки 1

Глава 7. Архивариус 1

Глава 8. Долг метрополитена 1

Глава 9. Марта Ильинична 1

Глава 10. Тридцать восемь минут 1

Глава 11. Тридцать первое октября 1

Эпилог. Первый снег 1

Глава 1. Три тридцать три

Счётчик в моём такси считает не километры, а то, что вы готовы забыть. Но в ту ночь, когда всё началось, я ещё об этом не знала. В ту ночь он считал рубли, как положено, и показывал жалкие четыре тысячи за смену.

Октябрь в Москве — это не месяц, а состояние. Дождь не идёт, а висит в воздухе, фонари расплываются жёлтыми кляксами, и город становится похож на старую фотографию, которую слишком долго держали в руках. Я любила ночные смены именно за это. Днём Москва кричит, толкается, сигналист. Ночью она шепчет.

Я не спала уже два года. То есть спала, конечно, — часа по три, урывками, днём, задернув шторы и надев маску для глаз. Но по-настоящему, так, чтобы закрыть глаза и провалиться, — нет. С тех пор как в Лефортовском тоннеле в нашу скорую влетела фура без тормозов. Лёшка Корнеев, мой напарник, сидел справа. Я сидела слева. Это вся разница между нами, если подумать. Право и лево.

Мне предлагали психолога. Мне предлагали таблетки. Я выбрала руль. Когда ты фельдшер и не можешь больше слышать слово «вызов», а спать не можешь вообще, ночное такси — почти логичный выбор. Ты всё ещё едешь куда-то среди ночи. Только теперь никто не умирает.

По крайней мере, так я думала.

В три двадцать восемь я высадила пьяного айтишника у высотки на Котельнической и встала на аварийке, чтобы выпить кофе из термоса. Приложение молчало. Рация — старая, ещё от прежнего владельца машины, я её так и не сняла — тихо шипела на пустой частоте. Я всегда её включала. Под шипение лучше думалось.

В три тридцать две навигатор сам по себе ожил и проложил маршрут.

Я не нажимала ничего. Экран засветился синим, и бодрый женский голос сказал: «Маршрут построен. Садовое кольцо, внешняя сторона. Время в пути — бесконечно». Я засмеялась. Подумала — глюк, обновление, кто-то из разработчиков решил пошутить. Потянулась выключить.

В три тридцать три рация перестала шипеть.

— Ланская, — сказал в ней женский голос, хриплый, прокуренный, как у буфетчицы с вокзала. — Ты на линии. Клиент на Таганке, у театра. Не заставляй ждать, он старенький.

Я посмотрела на рацию. Потом на телефон. Потом снова на рацию.

— Кто это? — спросила я, нажав кнопку.

— Марта Ильинична, — ответили мне так, будто это всё объясняло. — Диспетчер. Езжай, детка. Первый заказ всегда лёгкий.

Нормальный человек выключил бы рацию и поехал домой. Я нормальным человеком перестала быть два года назад, в тоннеле. Я поехала на Таганку.

У театра стоял старик. Высокий, сутулый, в длинном сером пальто с каракулевым воротником, какие носили, наверное, при Хрущёве. Шляпа. Трость. Лицо — как скомканная и заново разглаженная бумага. Он поднял руку, будто ловил машину на углу в пятьдесят девятом году, и я остановилась.

— Доброй ночи, — сказал он, устраиваясь на заднем сиденье. Голос был мягкий, с интеллигентным «чтобы» через «ш». — На Садовое, пожалуйста. Просто по кругу.

— По кругу — это как? — уточнила я. — Сколько кругов?

— Пока не приедем.

Я пожала плечами и тронулась. В конце концов, ночные пассажиры бывают разные. Был у меня один, который просил ездить по МКАДу, пока он не допoeт все песни Высоцкого. Пел четыре часа. Заплатил щедро.

Мы выехали на Садовое. Было пусто — неестественно пусто даже для этого часа. Ни одной машины навстречу, ни одной в зеркале. Светофоры горели зелёным, все подряд, как будто ждали именно нас. Я проехала Курский вокзал, Красные Ворота, Сухаревскую. Старик смотрел в окно и молчал.

Где-то после Маяковской я заметила, что дома за окном меняются.

Сначала мелочи. Вывеска «Макдоналдса» вдруг стала вывеской «Гастроном». Стекланная коробка бизнес-центра на углу исчезла, а на её месте стоял двухэтажный жёлтый особнячок с мезонином. Потом пропали рекламные экраны, и вместо них появились растяжки с какими-то лозунгами, которых я не успевала прочитать. Дорога пошла под уклон — плавно, почти незаметно, но я чувствовала это руками на руле. Садовое кольцо, которое по всем законам геометрии должно было замкнуться, уходило вниз. Как спираль. Как воронка.

— Не волнуйтесь, — сказал старик, не отрываясь от окна. — Вы всё правильно делаете. Главное — не останавливайтесь и не оборачивайтесь назад, когда въедем.

— Куда въедем? — голос у меня был спокойный. Это профессиональное. Когда у фельдшера начинается паника, она уходит внутрь, а снаружи остаётся ровный голос и твёрдые руки.

— В Изнанку, — сказал он. — Там, налево, будет арка. Вам туда.

Арка была. Её не могло быть, потому что я знала Садовое как свои пять пальцев, но она была: каменная, с облупившейся лепниной, и под ней — темнота, мягкая, как бархат. Я повернула.

Изнанку я тогда толком не разглядела. Помню только ощущение — будто въехала внутрь старого шкафа, где пахнет нафталином, яблоками и чужим детством. Улицы были узкие, кривые, мощёные. Окна горели жёлтым, тёплым светом, и в каждом кто-то был — тени, силуэты, двигавшиеся медленно, как во сне. Фонари здесь были газовые. Я не знаю, откуда я это знала, но знала.

— Вот здесь, — сказал старик. — У рюмочной.

Я остановилась у низенькой двери с табличкой без букв. Старик полез во внутренний карман пальто.

— Сколько я вам должен?

Я посмотрела на счётчик. Там, где обычно светились рубли, было написано: «1 воспоминание (сред. ценность)».

— Тут... — я сглотнула. — Тут написано, что одно воспоминание.

— Средней ценности, — кивнул он. — Разумно. Марта Ильинична никогда не завышает.

— Он протянул мне руку ладонью вверх. — Дайте руку, Вера Андреевна.

Я не говорила ему, как меня зовут.

Я дала ему руку.

И пошёл снег.

Не на улице — во мне. Я стояла во дворе на Арбате, мне было девять лет, на мне было колючее пальто, перешитое из маминого, и с неба падали первые в том году снежинки — крупные, медленные, такие, что можно было разглядеть каждую. Я ловила их языком. Где-то рядом смеялась девочка по имени Люся. Пахло печным дымом и мандаринами, которые отец принёс вчера из какого-то распределителя. Был ноябрь шестьдесят первого года, и я была абсолютно, невозможно счастлива.

Потом я снова сидела в машине. Руки дрожали. На языке таял снег, которого не было.

— Это... — прошептала я.

— Первый снег шестьдесят первого, — сказал старик и улыбнулся. — Хороший был снег. Оставьте себе, Вера Андреевна. Вам пригодится. У вас, мне кажется, мало таких.

Он вышел из машины, постучал тростью по двери рюмочной и исчез внутри. А я сидела, вцепившись в руль, и плакала — впервые за два года. Не от горя. От того, что в шестьдесят первом году во дворе на Арбате было так хорошо.

Рация щёлкнула.

— Добро пожаловать на линию, Ланская, — сказала Марта Ильинична. — Обратная дорога — прямо и направо, через Неглинку. Смена до пяти. Не опаздывай.

* * *

Домой я вернулась в шесть утра. Легла. И уснула — сразу, мгновенно, как в детстве. Мне снился снег.

Глава 2. Гоша

Следующие три ночи я убеждала себя, что сошла с ума.

Это было разумное объяснение. Посттравматическое расстройство, хроническая бессонница, переутомление — я сама могла бы написать в карточке что-нибудь подобное. Галлюцинация на фоне истощения. Покой, сон, наблюдение у специалиста.

Проблема была в том, что я помнила снег шестьдесят первого года. Помнила так, как помнят своё. Я помнила, что у Люси были красные варежки на резинке, продетой через рукава. Помнила, что отец — не мой отец, а того мальчика, который тогда ловил снег, — работал на заводе имени Лихачёва и приносил домой запах металла. Я даже помнила, что мальчика звали Сёма.

Сумасшедшие не помнят чужих варежек.

На четвёртую ночь рация молчала, и я почти обрадовалась. Везила обычных пассажиров, обычных пьяных, обычных усталых медсестёр после смены. Около двух ночи заказ привёл меня в Кузьминки, к новому жилому комплексу, а на обратном пути я свернула не туда и оказалась у забора стройки.

За забором сносили пятиэтажку. Вернее, уже снесли. Остался угол — две стены, сходящиеся буквой «Г», с обоями в цветочек на третьем этаже, с чьей-то полкой, на которой так и стояла забытая ваза. Экскаватор спал, уронив ковш в кучу битого кирпича. Прожектор на столбе освещал всё это мертвенно-белым.

И кто-то плакал.

Я остановилась. Плач был тонкий, жалобный, совсем не человеческий — так скулит щенок, которого оставили одного в пустой квартире. Я вышла из машины. Подошла к забору. Через дыру в сетке пролезла на стройплощадку — фельдшерская привычка: где плачут, туда и идёшь, а потом уже думаешь.

Он сидел на куче кирпичей, прямо под прожектором. Ростом с трёхлетнего ребёнка, лохматый, бородатый, в чём-то вроде ватника, перетянутого бечёвкой. Глаза — круглые, жёлтые, как у совы. В руках он держал облезлый тапок с помпоном и раскачивался вперёд-назад.

— Эй, — сказала я тихо. Как говорят с ранеными. — Эй. Ты как?

Он поднял на меня глаза. Перестал раскачиваться.

— Видишь меня? — спросил он хрипло.

— Вижу.

— Ну и дура, — сказал он и снова заплакал.

Я села рядом на кирпичи. Помолчала. Потом достала из кармана куртки пакетик семечек — я грызла их за рулём, чтобы не засыпать в те редкие ночи, когда всё-таки хотелось спать. Протянула.

Он посмотрел на семечки. Потом на меня. Потом взял пакетик целиком.

— Гоша, — сказал он, разгрызая первую. — Георгий Пантелеймонович, если по-правильному. Домовой. Был.

— Почему был?

Он обвёл рукой кирпичи, угол, вазу на полке.

— Вот мой дом. Шестьдесят три года. С самой постройки. Я тут каждую трубу знал, каждую мышь по имени. В сорок второй квартире бабка Зина жила, я ей очки находил, она вечно их теряла. В двадцать седьмой мальчишка рос, Димка, я ему кошмары по ночам отгонял. Потом Димка вырос, уехал, у него свои дети. А я остался. А теперь дома нет. — Он шмыгнул носом. — Когда дом сносят, домовый обычно вместе с ним уходит. Растворяется. Как сахар в чае. А я вот не растворился. Не знаю почему. Сажу, жду.

— Чего ждёшь?

— Да хоть чего-нибудь.

Он протянул мне тапок с помпоном.

— Это бабки Зины. Она его тут оставила, когда переселяли. Её в новостройку отвезли, на двадцать второй этаж. Там у неё домового нет. В новостройках вообще никого нет. Пустые они. Как скорлупа.

Я посмотрела на тапок. На Гошу. На свою машину за забором.

— Пошли, — сказала я.

— Куда?

— Ко мне. У меня, правда, тоже не дом, а съёмная однушка. Но там есть чайник.

Гоша долго смотрел на меня жёлтыми глазами.

— Домовой не может просто так к человеку переехать, — сказал он наконец. — Его позвать надо. По-правильному. С уважением.

Я вздохнула. Встала. Поклонилась — неловко, по-дурачки, как в детском спектакле.

— Георгий Пантелеймонович, — сказала я. — Милости прошу. Только у меня машина вместо дома, я в ней больше живу, чем в квартире.

Гоша вдруг засмеялся — скрипуче, как старая дверь.

— Машина так машина, — сказал он. — Хотя на колёсах, зато своё. Бардачок у тебя большой?

* * *

Бардачок у меня оказался большой. Гоша занял его целиком, выкинув оттуда страховку, зарядку и пачку влажных салфеток, и устроил себе гнездо из моего старого шарфа. Тапок бабки Зины он положил под голову.

Остаток ночи он мне объяснял.

— Изнанка, — говорил он, высунув голову из бардачка и шурясь на встречные фары, — это не другой город. Это тот же самый. Только его память. Всё, что Москва помнит, — всё там. Дома, которых уже нет. Люди, которых уже нет. Слова, которых больше не говорят. Чем дольше город живёт, тем Изнанка больше.

— А вы? Домовые?

— А мы на шве живём. Между. Мы дома держим, чтобы они помнили, кто в них жил. Без нас дом — просто бетон.

— А старик в сером пальто?

Гоша замолчал. Надолго. Потом сказал:

— Если он тебе воспоминание отдал, ты его береги. Это не простое воспоминание. И старик не простой.

— Кто он?

— Не знаю, — буркнул Гоша. Я сразу поняла, что знает. — Слушай лучше правила. Их три. Первое: никогда не бери в оплату чужое имя. Второе: никогда не называй своё полное имя тем, кто живёт внизу. Третье — самое главное. Никогда не бери воспоминание о смерти.

— Почему?

— Потому что такое воспоминание берёт тебя.

Я кивнула. Запомнила. Как запоминала когда-то протоколы реанимации — механически, на всякий случай.

Через неделю я нарушила третье правило.

Глава 3. Пассажир в сером

Работа на линии оказалась похожа на обычную работу. Это меня удивило больше всего.

Марта Ильинична выходила на связь каждую ночь ровно в три тридцать три. Давала заказ — коротко, без лишних слов. Пассажиры были разные. Тощая девушка с волосами цвета речной тины, которая попросила отвезти её от Яузы до Москвы-реки и всю дорогу держала руки в бутылке с водой. Толстый усатый мужчина в форме городского царских времён, который ехал с Хитровки на Сухаревку и ругал нынешних извозчиков. Мальчик лет десяти в пионерском галстуке, который просто хотел посмотреть, как сейчас выглядит Красная площадь, и долго молча стоял у Лобного места, а потом сел обратно в машину и сказал: «Красиво. Но мы думали, будет по-другому».

Платили все воспоминаниями. Тина-девушка — запахом сирени в Нескучном саду в каком-то мае. Городовой — вкусом сбитня на морозе. Мальчик — тем, как он впервые увидел салют в сорок пятом, сидя у отца на плечах. Я хранила их все. Не продавала, хотя Гоша объяснил, что можно: внизу, на Хитровом рынке Изнанки, за хорошее воспоминание давали много. Можно было купить себе год жизни. Или сон без кошмаров. Или забыть что-нибудь.

— Забыть — это самый ходовой товар, — говорил Гоша, лущая семечки. — Все хотят что-то забыть. Только не все понимают, что дыра остаётся. Забудешь плохое — а вместе с ним то, что было рядом. Вырвешь зуб — соседний шатается.

Я не продавала. Я спала. Впервые за два года я спала каждую ночь после смены — по шесть, по семь часов, и мне снились чужие сны: сирень, сбитень, салют. Это было лучше любых таблеток.

На восьмую ночь в три тридцать три рация сказала:

— Ланская, клиент у Лефортовского моста. Мужчина. Будь аккуратна.

Марта Ильинична никогда раньше не говорила «будь аккуратна».

У моста стоял человек в сером плаще. Не в пальто, как старик, — в плаще, длинном, мышиного цвета, с поднятым воротником. Лица я не разглядела: оно было в тени, а когда он сел на заднее сиденье, свет в салоне почему-то мигнул и погас.

— Шоссе Энтузиастов, — сказал он. Голос был ровный, никакой. Не мужской и не женский, не старый и не молодой. — Через тоннель.

Я вцепилась в руль.

— Через какой тоннель?

— Через Лефортовский, — сказал он. — Через какой же ещё.

Я не ездила через Лефортовский тоннель два года. Объезжала. Всегда. Даже если это стоило мне лишних сорока минут и недовольных пассажиров. Гоша в бардачке зашевелился и тихо зашипел — то ли на меня, то ли на пассажира.

— Можно по-другому, — сказала я. — Через Солдатскую быстрее.

— Через тоннель, — повторил серый. — Вы же диспетчеру не откажете?

И я поехала. Я не знаю, почему. Может, потому что Марта Ильинична дала заказ, а на линии не отказываются. Может, потому что голос серого был такой, что ему невозможно было не подчиниться. А может, потому что я сама давно хотела туда вернуться и боялась себе в этом признаться.

Тоннель был пустой. Длинный, гулкий, освещённый рыжими лампами, которые убегали вперёд бесконечной пунктирной линией. Я ехала, глядя строго перед собой, и считала лампы. На сто двенадцатой — я помнила, это было где-то здесь, — у меня перехватило дыхание. Здесь фура вылетела с соседней полосы. Здесь мы перевернулись. Здесь Лёшка...

— Остановите, — сказал серый.

— Здесь нельзя останавливаться.

— Остановите.

Я остановилась. Включила аварийку. Руки на руле были мокрые.

— Сколько я вам должен? — спросил серый.

Я посмотрела на счётчик. На нём было написано: «1 воспоминание (особой ценности)».

И ниже, мелко, красным: «Внимание: содержит смерть».

— Я не возьму, — сказала я. — У меня правило.

— Возьмите, — сказал серый. — Вам нужно это увидеть, Вера Андреевна. Больше, чем кому-либо.

Он протянул руку между сиденьями. Рука была в перчатке, серой, как плащ.

Гоша выскочил из бардачка и вцепился мне в рукав.

— Не смей! — пищал он. — Не смей, дура! Правило! Третье правило!

Я посмотрела на серую перчатку. Потом на Гошу. Потом на сто двенадцатую лампу.

— Это про Лёшку? — спросила я тихо.

Серый не ответил.

Я сняла с себя Гошу — бережно, как котёнка, — посадила на приборную панель. И взяла протянутую руку.

* * *

Я лежала на спине. На мокром асфальте, в тоннеле, под рыжими лампами. Было очень холодно и очень тихо. Я не могла пошевелиться. Я не могла дышать — то есть могла, но каждый вдох был короче предыдущего, и я понимала, профессионально, отстранённо понимала, что это значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.